

"Одесский парижанин" А. Нюренберг

В декабре 1919 года на корабле "Руслан" одесский меценат и коллекционер Яков Перемен вывез в Палестину более 200 полотен "одесских модернистов". Ему не удалось создать для этих работ музеев, и коллекция, разобранная наследниками после его смерти в 1960 году, долгие годы считалась утерянной. Однако в 2006 году благодаря усилиям куратора музея Рамат-Ган в Тель-Авиве Л. Войскун она была собрана и, сопровождаемая великолепным каталогом, представлена публике на выставке "Одесские парижане".

Выставка вызвала сенсацию и поставила Одессу в ряд художественных столиц начала 20-го века. Раньше стиль многих живописцев, перебравшихся из России во Францию или проработавших там какое-то время, объяснялся влиянием Парижской школы. Выставка же продемонстрировала, что почерк этих художников сформировался уже в Одессе, так что влияние на них Парижской школы перестало выглядеть односторонним. Более того, одесские художники сами во многом определили лицо Парижской школы.

Среди "одесских парижан" оказался и мой дед, Амшей Нюренберг (1887-1979). Он родился в Елисаветграде (ныне Кировоград), учился живописи в Одессе. Судьба Нюренберга, как и многих его друзей-художников, тоже оказалась связанной с Парижем, где он побывал дважды — в 1911-1913 и 1927-1928 гг. Хотя впоследствии Нюренберг переехал в Москву, близость с Одессой, где прошла его юность, и где он стал художником, сохранилась на всю жизнь.

Впервые Нюренберг приехал в Одессу в 1904 году после окончания школы для поступления в Одесское художественное училище. Город произвел на провинциального юношу неизгладимое впечатление. Даже в Париже спустя 10 лет он рассказывал о своем потрясении Марку Шагалу, с которым год делил ателье в фаланстере "*la Ruche*" (фр. — *улей*)¹:

Были неуютные зимние вечера, когда не хотелось выходить на улицу, когда не тянуло в кафе, и тогда, затопив печку, мы с Шагалом варили чай... Потом я ему рассказывал

¹ В 1900 г. парижский меценат и скульптор-любитель Альфред Буше купил на распродаже Всемирной выставки ротонду по проекту Эйфеля — конструктора знаменитой башни — и другие легкие павильоны. Он установил их на участке в полгектара в проезде Данциг на юго-западной окраине Парижа и в 1902 г. предоставил за символическую плату около 140 ателье начинающим художникам, среди которых были Шагал, Леже, Цадкин, Сутин, Архипенко.

об Одессе. О сказочном порте, поразившем мое юношеское воображение, о громадных иностранных пароходах, о грузчиках-силачах, и особенно много рассказывал о море, о его непередаваемой героической романтике в часы шторма, когда берега и я, писавший его, покрывались злой бело-желтоватой пеной. И о закатах.

А. Нюренберг. Шагал. Рукопись "Одесса – Париж – Москва"

Нюренбергу повезло: он попал в класс великолепного мастера Кириака Костанди¹. Он часто с благодарностью вспоминал своего учителя, всегда подчеркивая, что учился у Костанди не только художественному ремеслу, но анализу характеров, пониманию природы. На всю жизнь Нюренберг сохранил восхищение работой Костанди "Сирень", которую увидел еще в студенческие годы. Об этой картине он написал в очерке "Костанди":

Прошли годы. Многое в моих взглядах на живопись, на искусство изменилось, но те первые чувства (то, что художники называют "первое ах!"), которые поселила "Сирень" в моей душе, продолжают жить и волновать и по сей день. Сколько раз я ловил себя на том, что на цветущие весенние сады я глядел глазами Костанди! Но в юности мы не склонны были глубоко анализировать. Прежде в "Сирени" я видел только чудесные фосфорящиеся краски, нежные отношения, музыкальный колорит, очарование цветущего сада и грусть одинокого молодого монаха. Теперь "Сирень" для меня яркий символ борьбы маленького слабого человека с величественной цветущей, хмельной природой. Произведение как бы с возрастающей силой разворачивает и показывает неизвестные раньше новые грани.

А. Нюренберг. Воспоминания, встречи, мысли об искусстве. М., Советский художник, 1969, с. 63-64

По окончании Одесского художественного училища Нюренберг вместе с группой молодых художников отправился в Париж, где сама атмосфера города была пропитана искусством. Нюренберг вспоминал, что учился не в академиях, а у своих друзей, на улицах Парижа, в кафе. В кафе "Ротонда" на бульваре Монпарнас он встречался со своими друзьями по одесскому училищу Федером и Маликом. Тогда же он близко подружился со скульпторами Мещаниновым и Инденбаумом. И познакомился с такими впоследствии прославившимися художниками из России, как Шагал и Кремень.

В Париже Нюренберг впервые проявил свое литературное дарование. Он начал подрабатывать художественными репортажами в русскоязычной газете "Парижский вестник". На вопрос редактора газеты, мог бы он

¹ Через десять лет класс К. Костанди также окончил младший брат Нюренберга — Давид Девинов-Нюренберг (1896-1964).

Мидлер, Ламден, Нюренберг
1915 г.

написать рецензию о первой выставке кубистов и футуристов в Париже, молодой человек самоуверенно ответил: "Литература — мой отхожий промысел". На самом деле его статья о кубистах 1911 г. была первой пробой пера.

Нюренберг сразу показал себя талантливым литератором и тонким художественным

критиком. В дальнейшем он часто писал художественные рецензии, а позже обратился к мемуарной прозе. Он явился также автором книг "Сезанн" (1924), "Воспоминания, встречи, мысли об искусстве" (1969) и рукописи "Одесса — Париж — Москва" (составленной мной в 2006 г. из отдельных статей. — **О. Т.**).

В 1913 году Нюренберг вернулся в Елисаветград. Он приехал уже как зрелый живописец, обогащенный европейским опытом, как специалист по западной культуре. Он хорошо владел французским языком, читал в оригинале Мопассана, Флобера и Бодлера. Этим Нюренберг заработал себе репутацию "франкофона", что вначале звучало лестно, но в советское время в период борьбы с формализмом и космополитизмом часто оборачивалось для него серьезными неприятностями.

Вскоре Нюренберг переехал в Одессу, где позже основал студию "Свободная мастерская". Ее посещали не только "независимые" художники (имелось в виду, независимые от академической школы) — Малик, Мидлер, Константиновский, Фраерман, Фазини, но и поэты Багрицкий, Финк. Стихотворение Э. Багрицкого 1918 г., написанное им по случаю новогодней вечеринки, передавало приподнятую атмосферу, царящую в студии "независимых", с наивным воодушевлением и честолюбивыми планами:

Нет ничего прекрасней в мире,
Когда вдыхая трубок дым,
Под номером 24
На пятом этаже сидим.

В волне табачного тумана
Кружится жизни колесо,
Но мы поем хвалу Сезанну,
Хороним дружно Пикассо.

И, убивая красок литры,
Все непреклонней, все смелей,
Не бросим мы своей палитры
И не покинем мы кистей.

Здесь Нюренберг рисует быстро,
Надеждой сладкой окрылен,
Что должность важную министра
Получит на Украине он.

Приходит ночь, покрылись мраком
Ряды недвижные столов.
Смешалось все: Ван Гог с Синьяком
И с Семирадским — Калмаков.

Взяв за образец парижские Весенние и Осенние салоны, "независимые" регулярно устраивали в Одессе сезонные выставки своих работ. Они широко использовали французский опыт и часто, не стесняясь, включали в свои картины целые цитаты из Сезанна, Матисса, Гогена. Влияние "купальщиков" Матисса и его декоративных панно особенно сильно ощущалось в работах раннего Нюренберга. Экзотические пейзажи и образы таитянок у Малика напоминали восточную палитру Гогена. Несмотря на яростную критику и упреки в плагиате, заслуги "независимых" в модернизации художественных традиций Одессы ни у кого не вызывали сомнений.

Успешным учеником Амшея Нюренберга был талантливый художник Виктор Мидлер, который впоследствии заведовал отделом в Третьяковской галерее. Их дружба продолжалась всю жизнь. И последние годы они регулярно встречались, разговаривали друг с другом по телефону. Они даже умерли в один и тот же год и в одном месте — в 1979 году в Москве.

Именно Мидлер познакомил Нюренберга с его будущей супругой Полиной Мамичевой. Он представил его как многообещающего художника, только что вернувшегося из Парижа. Такая рекомендация произвела впечатление на начинающую балерину, дочь московского купца. В 1915 году они поженились, и их брак продлился 63 года. Полина тоже стала посещать студию своего мужа и писать натюрморты в стиле модных тогда кубистов. Четыре таких натюрморта были обнаружены

**"Свободная мастерская"
Малик, Нюренберг, Юхневич,
Мидлер
Одесса, 1916 г.**

в коллекции Перемена, который систематически приобретал работы "независимых".

Параллельно при Свободной мастерской Нюренберг открыл школу изобразительного искусства для детей — Детскую академию. В этом была своя логика — после окончания детской академии ученики могли продолжить учебу в студии для взрослых. С 28 апреля по 12 мая 1918 г. Нюренберг организовал первую выставку детского творчества, что явилось новаторством не только для Одессы. Выставка проходила в здании Художественного училища, на ней было представлено более 500 рисунков, акварелей и скульптур. Учредителями выставки значились Мамичева и Нюрэн, иными словами, супруги Полина и Амшей Нюренберги.

К выставке детского творчества Нюренберг отнесся чрезвычайно серьезно. Подготовил доклады, а главное, написал проспект выставки "О детском творчестве" с рядом теоретических положений. Нюренберг утверждал, что дети в рисовании руководствуются инстинктом, а само детское творчество разделил на три периода. Первый, от 6 до 7-8 лет, когда формируется художественное восприятие. Второй период, названный им "Ренессанс", от 7-8 до 9-12 лет, когда дети начинают сознательно использовать краски и композицию. И наконец, третий период, названный "Барокко" (упадочный), от 9-12 до 15 лет, когда дети, отчасти теряя свою индивидуальность, попадают под влияние книжных иллюстраций и фотографий.

Выставку посетили друзья-художники Фазини, Олесевич, Лысенков, Глускин, оставив восторженные записи в Книге отзывов. Сохранились некоторые из них:

Приходится сожалеть о том, что выставки взрослых художников, за редким исключением, не оставляют столь прекрасного впечатления (С. Олесевич).

Дети — художники, художники-виртуозы. Я надеюсь, что дети будущего будут рождаться с техническими возможностями Леонардо и постепенно их утрачивать; есть надежда, что художники станут художниками (С. Фазини).

Октябрьская революция 1917 года пробудила у многих, в том числе у Нюренберга, надежды на свободу творчества. Художник и его товарищи стали активными соратниками большевиков. Писали то, что было особенно востребовано, — агитационные плакаты. Нюренбергу удалось организовать целое предприятие по изготовлению пропагандистской продукции, которое располагалось во дворе Одесского художественного училища. Приезжали красноармейцы и забирали эти нужные для фронта наглядные материалы. Бригада активистов состояла из тех же левых художников, известных как "независимые", или "одесские парижане": Олесеви́ча, Фазини, Экстер, Фраермана, Мидлера, Константиновского, скульптора Гельмана и поэта Волошина.

Главным достижением революционных художников явилось украшение Одессы к 1 Мая 1919 года. Работали не за страх, а за совесть. Нюренберг как руководитель бригады и художница Экстер как его правая рука были отмечены Одесским исполкомом благодарственной грамотой за "удачное оформление города Одессы". Нюренберг вспоминал:

Для руководства работой мы выбрали художественный совет, председателем которого назначили меня. Работали мы в художественном училище на Преображенской улице.

Приближался Первомайский праздник. Все свои творческие силы мы решили отдать этому первому большому революционному празднику. Были организованы две бригады художников. Олесеви́ч, Фазини, Экстер и я делали эскизы, по которым мастерские выполняли плакаты и панно для советских и партийных организаций. Три недели мы работали не покладая рук, часто забывая о еде.

К Первому Мая работы были окончены. Стояли солнечные дни. Цвела и благоухала сирень. Море сияло нежно-голубыми переливами. Берега Ланжерона и Малого Фонтана звали к себе, но мы ни на минуту не оставляли работы. Весь двор художественного училища был завален готовыми панно и плакатами.

А. Нюренберг. Воспоминания, встречи, мысли об искусстве. М., Советский художник, 1969, с. 7-8

В начале июня 1919 г. Нюренберг был назначен Первым народным комиссаром искусств Одессы и возглавил Комитет по охране памятников искусства. В его задачи входила защита памятников старины, сохранение музейного фонда города, атрибуция художественных произведений. Сохранился документ, свидетельствующий о чрезвычайных полномочиях, данных Нюренбергу для выполнения его миссии. Из текста следовало, что задание было нешуточным, связанным с рисками. Не исключено, что комиссар искусств должен был иметь при себе и оружие:

Полина Мамичева-Нюренберг
Одесса, 1918 г.

(Курсив мой. — О. Т.)

Зав. Губ. Подотдела Искусств — А. Верхотурский
Одесса, 1919 г.

Из архива А. Нюренберга. Известия одесского Исполкома

Наряду с комиссарством Нюренберг продолжал заниматься художественной и организаторской работой. Он вспоминал:

В июне 1919 года в Одессе была организована 1-ая народная выставка. Она привлекала рабочих, красноармейцев и матросов. Я как председатель Комитета по охране памятников искусства и старины принимал живейшее участие в ее устройстве. Помню, мне пришла в голову идея мобилизовать художников, чтобы они обходили выставку вместе с посетителями и объясняли им смысл и значение картин. Это было осуществлено.

А. Нюренберг. Воспоминания, встречи, мысли об искусстве.
М., Советский художник, 1969, с. 8

На 1-й народной выставке 1919 года в Одессе под новыми знаменами участвовали опять же бывшие "левые", или "независимые" художники, Малик, Мидлер, Мамичева, Нюренберг, Олесевич, Перуцкий, Фазини, Фраерман. Постепенно самостоятельность их мышления перестала отвечать пропагандистским задачам новой власти. Деятельность группы "не-

От Губ. Подотдела Искусств
г. Киев

Довожу до сведения всех советских гражданских и военных учреждений, что согласно инструкции из Киева и постановлению одесского исполкома от 6-го июня за № 2841, учреждается в Одессе Губернский Комитет охраны памятников искусств и старины (Губкопис). Председателем комитета назначаю тов. Нюренберга. Все права на охрану и защиту памятников искусств и старины, а равно зданий и предметов, имеющих художественную или историческую ценность, с сего числа принадлежат исключительно Комитету. Всем учреждениям и лицам вменяется в обязанность оказывать содействие членам Комитета при исполнении своих обязанностей. *Противодействие членам Комитета при исполнении их обязанностей будет караться революционным судом.*

зависимых" стала терять официальную поддержку. Участники группы разбрелись в разных направлениях, и судьба каждого из них сложилась по-своему драматично.

Несмотря на недолгое функционирование, группа "независимых" под руководством Нюренберга оставила заметный след в жизни Одессы. В частности, об общественной стороне деятельности Нюренберга 20-х годов одесситы вспоминали и спустя многие годы:

Говоря о Нюренберге-художнике, нельзя умолчать о нем и как общественном деятеле. Имя его хорошо известно одесситам, особенно тем, кто представляет старшее поколение. Оно связано с годами формирования советской культуры и искусства в Одессе. В напряженное и трудное время советской власти на Юге Нюренберг много работал в изоотделе Одесского наробраза, принимал участие в реорганизации художественной школы, открытии первых народных художественных выставок. С 1920 года¹ он возглавлял Комитет по охране памятников искусства и старины. Именно патриотизму и большой любви к искусству группы художников, входивших в Комитет, наш город обязан замечательными коллекциями русского, украинского и западного искусства.

Годы и события, Н. Луцкевич, Знамя коммунизма, Одесса, 8 мая 1963 г.

С осени 1919 г. Одесса перешла в руки иностранных интервентов и денкинцев. Начались повальные аресты и расстрелы большевиков и евреев. Нюренберг был вынужден бежать и прятаться на тайной квартире. Отвлекая внимание полицейских, Полина приняла удар на себя. Она была арестована, провела три месяца в тюрьме. На допросе у нее пытались узнать, где скрывался ее муж — красный комиссар. Полина отвечала: "Я — балерина. Кочую из города в город. У меня таких мужей много. Он бежал на ваших глазах". После длительных хлопот друзей: профессора Лысенкова, сына писателя Глеба Успенского — Бориса Глебовича, и директрисы балетной школы, ее отпустили на поруки. Сохранилась справка, выданная Т. Фраерманом, следующего содержания:

СПРАВКА

Настоящим удостоверяю, что в 1919 году гражданка Полина Николаевна Нюренберг была при белогвардейцах заключена в Одесскую тюрьму в качестве заложницы ее мужа — художника А.М. Нюренберга, являющегося в то время зав. Отделом Нарообраза гор. Одессы.

Профессор Т. Фраерман (подпись)

Одесса 27-9-20 г.

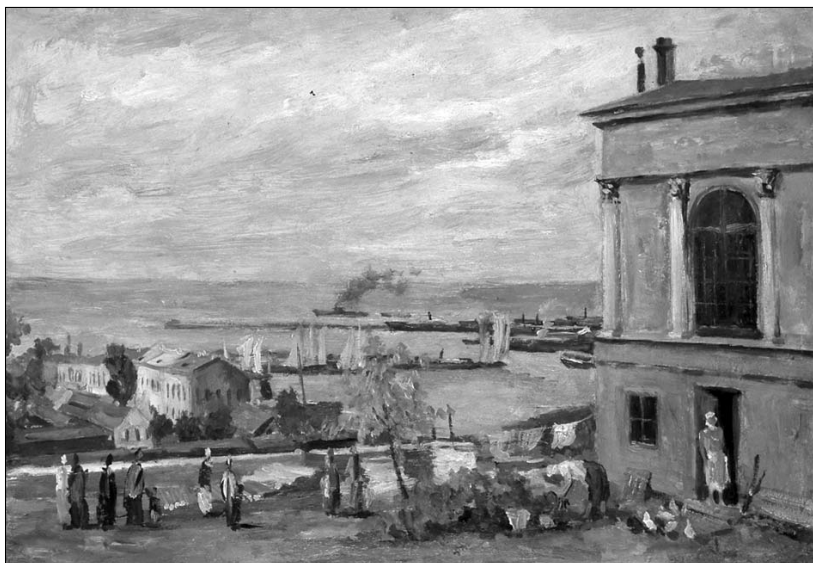
¹ На самом деле, с 6-го июня 1919 г., см. вышеприведенный мандат, по 23 августа (высадка войск Антанты в Одессе).

В Одессе остались все работы Нюренберга и парижские дневники. Знал ли Нюренберг, что Перемен, звавший его в Палестину еще до интервенции, вывез его ранние картины? Это более чем вероятно, но в советское время было безопаснее об этом не вспоминать. Во всеуслышание же Нюренберг заявлял, что одни его работы модернистского периода пропали, а другие он собственноручно уничтожил. В известном смысле, так оно и было. Выставка "Одесские парижане" расставила все по своим местам.

Весной 1920 года семья Нюренбергов переехала в Москву. У Полины, урожденной москвички, там жили мать, сестры, братья. Нюренберг с головой ушел в бурную общественную жизнь столицы. Он работал с Маяковским в "Окнах РОСТА", читал лекции о западной живописи во ВХУТЕМАСе, писал картины и публиковал художественные рецензии в центральных газетах. Он тесно сотрудничал с группой "Бубновый валет", главные деятели которой — Кончаловский, Осмеркин, Фальк, Машков — пропагандировали композиционные принципы Сезанна, высоко ценимые Нюренбергом. В 1922 году Нюренберг вместе с художниками Ад-

А. Нюренберг. Одесский порт. Одесса, 1941 г.

А. Нюренберг. Одесская набережная. 1961 г.

ливанкиным и Глускиным организовали группу "НОЖ", для которой он написал программный манифест.

В Одессу художник приезжал на каникулы или в гости к друзьям. Так совпало, что Нюренберг с женой Полиной и дочкой Неллей оказались в Одессе 22 июня 1941, в день начала Отечественной войны. С первого же дня войны художник начал делать зарисовки, став хроникером военных будней.

Основу антифашистской серии, представленную им на персональной выставке в Центральном Доме писателей в 1945 году, Нюренберг заложил в Одессе. Первые работы серии запечатлели шоковое состояние людей — панику и недоумение. Одни собирались на одесской набережной, вели горячие диспуты, жадно читали газеты, ждали последних сообщений по радио. Другие с багажом, детьми и стариками спешно покидали город. Вокзалы, ожидание, неизвестность. Неожиданное сиротство, незащитность безоружного населения. Все эти темы нашли свое отражение в антивоенных работах Нюренберга.

Одесские ностальгические впечатления сохранились и в послевоенных работах художника: "Большой Фонтан" (1950), "Продавищицы цветов в Одессе" (1958), "На одесском бульваре" (1959), "Одесская набережная"

(1961). После войны художник часто рисовал сирень — дань памяти своему учителю и наставнику Костанди. У себя дома Нюренберг любил развешивать морские пейзажи. По его утверждению, они действовали на него умиротворяющим образом. Ему даже казалось, что он дышал морским воздухом.

В конце 60-х годов в жизни Нюренберга произошло несколько радостных событий. В 1961 году прошла персональная выставка Нюренберга в московском Доме художников на Беговой улице. В 1963 году друзья помогли ему организовать персональную выставку в Одессе. Было много посетителей, имела хвалебная пресса. А в 1965 году Нюренберг принял участие в 100-летнем юбилее Одесского художественного училища, где на фотографиях он запечатлен со старыми друзьями с совершенно счастливым лицом.

О том, как Нюренберг был связан с Одессой, а через него — и его зять, писатель Трифонов, оставил интересное свидетельство Е. Голубовский. В 1971 году в Одессе во время советско-финского симпозиума он брал у писателя интервью:

Возникла пауза. Я, было, хотел извиниться и отойти, но Трифонов вдруг, мягко улыбнувшись, сказал, что Одессу он хорошо представляет, что у него есть свой образ этого города, даже этого великолепного Дома ученых, где мы сейчас как раз заседаем. И не по Бабелю, в любви к которому клянутся финны... У него действительно было от кого услышать об Одессе. Юрий Валентинович был женат на дочери известного советского художника, соратника Маяковского по "Окнам РОСТА", а в годы революции комиссара искусств в Одессе Амшея Нюренберга... Кстати, и этот дворец графа Михаила Толстого — нынешний Дом ученых — под Народный художественный музей реквизирует комиссар искусств.

Е. Голубовский. Юрий Трифонов в Одессе. Вечерняя Одесса, 1-10 февраля 1986 г.

* * *

В литературном наследстве Нюренберга есть очерк о Бабеле. Художнику принадлежит также графическая композиция "Бабель и его герон" (1966), репродукцию которой он включил в свою книгу.

"У Бабеля был свой Париж, как была и своя Одесса", — написал Нюренберг. Эти слова можно было бы с полным основанием отнести и к нему самому. Нюренберг вспоминал, как он встречался с Бабелем в Париже:

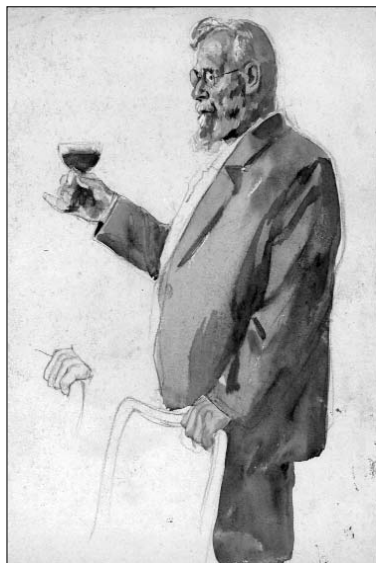
Возвращаясь часто поздно ночью из кафе, мы, "чтобы на Монпарнасе пахло Одессой", как говорил Бабель, распевали незабываемые песенки: "Сухой бы я корочкой питалась // Сырую бы воду я пила...", "Не пиши ты мне, варвар, писем, // Не волнуй ты мою кровь..." и "Маруся отравилась, в больницу повезли". Парижские полицейские, выдавшие

виды и ко всему привыкшие, не обращали на нас внимания.

А. Нюренберг. Бабель. Воспоминания, встречи, мысли об искусстве. М., Советский художник, 1969, с. 91.

Нюренберг прожил долгую и сложную жизнь. В молодости был "левым", отошел от реализма своего учителя Костанди. В 1919 г. он не уехал в Палестину, куда его звал Я. Перемен, и куда перебрался друг его детства И. Константиновский. После прихода к власти большевиков он стал одесским комиссаром искусств. Не остался он и в Париже, в котором был дважды, и называл "городом моей светлой мечты", и где его звали остаться его друзья-художники Федер, Мещанинов и Инденбаум. При этом он всегда сохранял любовь к французским кафе и одесской набережной, к Сене и Черному морю, парижским улочкам и еврейским местечкам. И продолжал оставаться верным своим друзьям.

Одесса, как и Париж, явилась для Нюренберга местом, где в начале 20-го века зарождалось новое искусство. Это был не просто город его юности и студенческих лет. Одесса в его представлении была демократичным городом-портом, открытым к французскому влиянию и смелым идеям, свободным и независимым. Именно это и продемонстрировала выставка "Одесские парижане".

А. Нюренберг. Доктор Илья Циклис
1960 г.

Письма, которые должны жить Из архива А. Нюренберга

В архиве А. Нюренберга имеется пакет под названием "Письма, которые должны жить". В нем хранятся письма друзей-одесситов. Среди адресатов Нюренберга были профессор медицины В. Снежков и известный врач И. Циклис, врач и художник Н. Юхневич, инженеры О. Мишкиблит и М. Ламден, журналист Е. Голубовский, вдова И. Бабеля А. Пирожкова, работники Одесского художественного музея.

В отличие от средств современной переписки — сообщений по электронной почте — каждое рукописное письмо выражало характер автора, который можно было определить даже по почерку. Каждое письмо — рассказ, отдельная судьба. Пока трудно с уверенностью сказать, как долго будут жить письма, посланные электронной почтой. Вряд ли они уцелеют через 50, а то и 100 лет, как те, что приводятся ниже.

Самым старым письмом является послание Н. Юхневича 1918 года с фронта гражданской войны Нюренбергу, Мидлеру и Малику. Во время боев с австрийскими интервентами он выполнял функции военного врача, но мечтал о кистях и красках, о выставках и подружках. В статье "Профессора медицины — художники" Нюренберг писал о своем друге:

К этой плеяде медиков-художников надо отнести и профессора-кожника Николая Юхневича, бывшего члена общества "Независимых". Юхневич большой и тонкий поэт. Пишет портреты, пейзажи и натюрморты. Его пастели свидетельствуют о высокой живописной культуре и большом вкусе.

Он много рисовал. Его рисунки выразительны и полны жизни. Он также успешно работал в области карикатуры.

А. Нюренберг. Профессора медицины — художники.
Дерибасовская — Ришельевская, 2007, кн. 30, с. 218

Врачом и художником являлся также другой корреспондент Нюренберга — профессор В. Снежков. Он был педиатром, читал в университете лекции о своем предмете — медицине. Но все свободное время отдавал живописи. Вместе с Нюренбергом участвовал в художественных выставках общества "Независимых". Занимался подвижнической деятельностью, организуя выставки членов Общества К. Костанди, которое существовало с 1922 по 1929 г. Служил своей идее вопреки поддержке официальных властей. В 1952 году Снежков явился автором "Краткой истории Художественного общества им. К.К. Костанди" (Дерибасовская — Ришельевская, 2008, кн. 33). Вот что писал о нем Нюренберг:

Профессор Снежков читал лекции в университете о болезнях уха, горла, носа. Постоянный участник южнорусских выставок. Писал осенние цветы в ярких кувшинах. Краски у него были нежные, лирические.

А. Нюренберг. Профессора медицины — художники.
Дерибасовская — Ришельевская, 2007, кн. 30, с. 218

Близкие отношения связывали Нюренберга с Циклисом, врачом-меченатом, философом и меломаном. Они обменивались с ним письмами, полными шуток, взаимной симпатии и желания помочь. Помочь не толь-

ко словом, но и действием, что особенно ценно. Многие ведь ограничиваются дежурным вопросом: "Чем могу быть вам полезным?". Доктора Циклиса знала и любила "вся Одесса", что засвидетельствовал Нюренберг:

Заболеваю, мы обращались к известному доктору Илье Циклису – неизменному другу музыкантов и художников, которых он бесплатно лечил, согревал морально, а иногда и поддерживал материально. Это он выпестовал и воспитал наших известных музыкантов: Ойстраха, Гилельса и Марию Гринберг...

Молдавская беднота, которой Циклис отдавал свое сердце и очень часто свои сбережения, приехала на улицу Розы Люксембург, где жил и работал Циклис, чтобы попрощаться с ним. Он умер, как и жил, – просто и философски. В предсмертные минуты он душевно попрощался с лечащими его врачами и друзьями, повернулся к стене и сказал: "Все кончено".

А. Нюренберг. Доктор Циклис.
Дерибасовская – Ришельевская, 2007, кн. 30, с. 218-219

Многие письма выглядят теперь старомодно, но в этом и состоит их обаяние. В том, как профессор Снежков, заканчивая письмо, "целует ручки супруге". Или в том, как доктор Циклис, обучавшийся до революции в Париже, вставляет в свои письма французские слова. Друзья дополняли письма литературными цитатами, многочисленными анекдотами, иностранными словами, что придавало большую характерность их эпистолярному стилю.

Письма одесситов полны юмора, но много в них и печали, тоски по несбывшимся надеждам, скрытой за попыткой шутить. Иногда это плохо получалось скрыть. Может, в этом и состоит секрет известного одесского юмора? Стараться за шуткой спрятать свою боль. Эту одесскую особенность – "смех сквозь слезы" – подметил у Нюренберга его друг, художник Ш. Бронштейн. В статье, посвященной 90-летию Нюренберга, он отмечал, как тот:

...старался показать красоту человека в радостную пору юности и в философском примирении со старостью, которая умеет прятать мысль в иронической улыбке, в мягком юморе и шутке.

Ш. Бронштейн. Вся жизнь – в искусстве.
Московский художник, 24 февраля 1977 г. (статья к 90-летию Нюренберга)

Со временем заметно менялся стиль адресатов. Если в молодости настроение писем было бодрым, то к старости в них все больше звучали разочарование, жалобы на болезни и просто на одиночество. Сколько драматизма в письме Циклиса о гибели в авиакатастрофе сына Рафаила!

Утешая своего друга, Нюренберг тогда не мог предположить, что скоро сам переживет похожую трагедию — смерть единственной дочери.

Некоторые друзья со временем так сильно изменились, что их стало просто невозможно узнать. О других не сохранилось никаких сведений. Где найти сведения о близком друге Нюренберга, с которым он вместе учился в Одессе, Моисее (Менаше) Ламдене? На старой фотографии, где они сняты вместе, рукой Нюренберга подписано — "два братца". Тогда Менаша выглядел ослепительным красавцем с тонким, аристократическим лицом и огромными глазами.

Почему не сохранилось никаких свидетельств о судьбе инженера и мецената Оскара Мишкиблита? В архиве Нюренберга остались два письма от него и его жены Берты позднего времени. А ведь Оскар Мишкиблит играл важную роль в судьбе "Независимых" в 1918-1919 гг. Нюренберг вспоминал:

Раз в неделю вечером к нам приезжал наш меценат и друг художников — инженер Оскар Мишкиблит. Он покупал у нас этюды и давал деньги на краски и холсты. Он брал двух извозчиков, усаживал на них всю компанию (Юхневича, Фраермана, Бориса Успенского, Малика, меня и мою жену) и отвозил нас в известный в то время ресторан "Зимний садок". Там играл воспетый Куприным знаменитый Саша... Меценат Оскар заказывал для нас богатый ужин с пивом Санценбакера и свободной музыкой.

А. Нюренберг. Саша из "Гамбринуса".
Дерибасовская — Ришельевская, 2007, кн. 30, с. 214-215

Почему Исаак (Жак) Малик последние сорок лет жизни не брал в руки кисть, и никто не знал о его судьбе, поскольку тот скрылся в подмосковном поселке Малаховке, где служил скромным учителем рисования в школе? Кем был Исаак, друг юности Нюренберга, писавший о своей больной жене?

Много неразгаданных тайн хранит Одесса. Видимо, должно пройти еще немало времени, прежде чем она раскроет все свои секреты. Пусть эта публикация прольет свет на некоторые из них.

Избранные письма

Письмо Н. Юхневича от 24 августа 1918 г. Амшею Нюренбергу, Виктору Мидлеру, Исааку (Жаку) Малику

Н. Юхневич — врач и художник, участник выставок "Независимых". В 1918 г. во время войны с интервентами (в письме упоминались австрийские войска) был призван на фронт в качестве врача.

Дорогие мои!

Получил от вас открытку. От всей души вам позавидовал. Так ярко, так живо представил, как вы сидите в трактире, кушаете бублики, пьете и беседуете. Полетел бы к вам, пошатался бы с вами, пописал бы... Кажется, так и не удастся посидеть с вами, милые мои...

Закрыв глаза — вижу: идут по пыльной мостовой Жак, ты, Виктор. Ты, Амшей, заложил руки в карманы, слегка сгорбился. Жак в старом элегантном, лучшего парижского портного, костюме... Виктор английский дэнди. Вслед им елисаветградские б... оглядываются. Особенно девочки засматриваются на Жака.

Ой, Жак, смотри не увлекай елисаветградских девочек, довольно испортил одесских. Опять молодежь увлекаешь... Прошу только не порть мадам Шабаш... Если только... При встрече с тобой — задушу...

Рад, очень рад, что ты, Жак, наконец, вырвался из этой милой, но проклятой Одессы. Ты там совсем покрылся плесенью. Здесь хоть немного поработаешь, не спеши уезжать. Постарайся пробыть подольше. Я тебе в первых числах сентября вышло на жизнь.

Ну, как ты поживаешь, Виктор? Что нового в твоей жизни? Я слышал, что ты был в Москве? Как жилось? Работалось ли? Пиши.

Амшей, ты должен удерживать Жака и Виктора от гнусных поступков. А то они опозорят твои седины. Принесут девочки, жертвы увлечения Жаком и Виктором, к твоему порогу младенцев — потом отчитывайся. Затем ты должен беречь до моего приезда от их посягательств прелести мадам Шабаш. Это твоя святая обязанность.

Я лично живу скучно, однообразно. Сейчас сижу на передовом перевязочном пункте. Слушаю свист, разрывы снарядов, хлопанье винтовок — давно знакомая для меня музыка. А небо серое, моросит надоедливый осенний дождик. Все мокро, грязно, тоскливо. Кажется, это будет продолжаться целую вечность.

Несколько дней тому назад мы шли дни и ночи. Проходили через брошенные, сгоревшие деревни. В особенности жутко было ночью. На горизонте всюду маячит зарево. Проходишь деревню — горит. Пламя ревет, балки трещат, рушатся стены — ад. Вышли из деревни — пламя все удаляется, удаляется. Опять новое пламя приближается и так без конца. Наконец, пришли. Наша дивизия вступила в бой и сильно наложилась австрийцам. Ну и дрались наши — молодцы и герои.

Пишите, дорогие, почаще и побольше. Буду рад бесконечно каждому вашему слову.

Обнимаю вас и крепко, крепко целую.

Юх...

Р. С. *Привет всем вашим и Давиду¹. От брата моего я давно не получал писем, беспокоюсь.*

Письмо Н. Юхневича, Одесса, 5 июня 1961 г.

Ответ на письмо с каталогом персональной выставки А. Нюренберга, проходившей в 1961 году в Москве в Доме художников на Беговой ул.

Надпись на конверте:

Куда: г. Москва, Верхняя Масловка, Д. 15. кв. 59. Художнику А.М.Нюренбергу. Откуда: Одесса, Подбельского № 57, кв. 8, Н.З. Юхневич
5 июня 1961 г.

Дорогой Амшей!

Получил каталог твоей персональной выставки. Очень благодарен за внимание. Смотрел на снимки твоих работ: вспоминал нашу молодость, выставки независимых художников. Эх, ушло все это навсегда и не вернется.

Желаю тебе успеха, такой же творческой энергии на долгие, долгие годы.

Слушали твоё выступление по радио о Маяковском: интересное выступление.

Живу скучно, почти не рисую. Никуда не хожу, так как Мария Васильевна больна около года: серьёзное сердечное заболевание, осложнение после вирусного гриппа. Она не выходит, ей запрещено, так как мы живём на 4м этаже. Дома она ходит, понемногу занимается хозяйством, хотя и это запретили врачи. Стелле приходится вести домашнее хозяйство и у себя, и у нас, ходить на базар, затем на службу. Таким образом, она занята от 6 ч. утра до 12 ч. ночи.

Участвовал в украинской выставке в Киеве в августе прошлого года: на выставке моих вещей было 4. Выбрали на декаду в Москву 2 работы, послали ли их, не знаю. Что поделявают Ваши?

Привет Полине,

Нелли, супругу Нелли.

Крепко целуем. Привет от Маруси и Стеллы.

5 июня 61 г. Юхневич

Р. С. *С письмом запоздал. Болезнь Маруси убила всю мою энергию.*

ЮХ.

¹ Имелся в виду брат А. Нюренберга — Давид Девинов-Нюренберг.

Письмо профессора медицины В. Снежкова, Одесса, 27 декабря 1952 г. Щепкина, 9, кв. 2.

Профессор В. Снежков (1882-1959) — врач-педиатр и художник, член общества "Независимых". Играл важную роль в деятельности Общества К. Костанди (1922-1929). К письму приложен текст статьи "Краткая история Художественного общества имени Кириака Константиновича Костанди" В. Снежкова (см. Дерibasовская — Ришельевская, 2008, кн. 33)

Дорогой Алексей Маркович!

Подожли дни, когда все торжественно поздравляют своих друзей с днем Нового года. Шлю самые искренние и от всего сердца пожелания в Новом году жить лучше и веселее, чем в прошлом. Всякий раз, как только я встречаю этот день, на душе моей остается легкая тень чего-то неминуемого, а подчас делается даже тяжело. Ведь подумать только! 72 и следующий 73ый год жизни. Страшно. Я вспоминаю слова Мамина-Сибиряка:

"Стенные часы, висевшие в коридоре, пробили 12 часов. Благодаря приспособлению в механизме, они били так осторожно и тихо, точно боялись. Да, время имело свое страшное значение, как будто какая-то невидимая рука отмеряла его по каплям, как самую драгоценную эссенцию. Там, за этой стеной, на которой висели часы, жизнь катилась широкой волной, там летели дни, недели, месяцы и годы, не вызывали мысли о том, что каждый день — день итога, день очищения, день последнего ответа и что с каждым закатывающимся солнцем открывался лучший лист из книги жизни. Здесь каждый удар маятника точно подталкивал кого-нибудь к страшной пропасти уничтожения, а стенные часы были неумолимы, как верховный Судья, обязанностью которого было подписывать смертные приговоры".

Я не из таких людей, чтобы впадать в тяжелые думы. Нет! Я просто всегда в этот день 31 декабря делаюсь не тем, чем я в сущности есть. Такая уж у меня натура. Все это я говорю, чтобы пояснить Вам, зачем я написал вот эти строки, которые я посылаю Вам на память о днях далекого прошлого, действительно унесенных и уничтоженных мановением проклятого "верховного Судьи". Прочитайте, исправьте и напишите мне свое мнение. Писал я это только Вам. Кое-кому прочел, так как читать это произведение даже в кругу художников я не считаю удобным. Посылаю Вам не исправленный текст, так как уже больше нет времени, а я хотел послать Вам именно к Новому году.

Ваше "В венок Костанди" произвело на всех чрезвычайное впечатление. Говорили, что это лучшее, что было сказано и написано о К.К. Костанди. Я

мысленно обнял Вас, расцеловал Вас. Ведь эти слова — слова глубокого переживания, в искренности которых нет сомнения. Правдивость и в то же время глубокое почитание памяти дорогого нам К.К. Костанди. Выставка продолжается. На заключительном заседании будет прочитано Ваше произведение. Хотя сейчас уже цитируются отдельные абзацы Вашей работы. Я позволил себе в конце моих воспоминаний поместить или закончить их Вашими словами. Я глубоко чувствовал эти слова, я переживал их, как самое дорогое моему сердцу. Спасибо Вам за внимание — я сохранил их, а все что у меня есть о Костанди — все это будет передано в фонд Музея, но когда — я еще об этом не думаю. Думаю, что так называемый "верховный Судья" пусть подождет. У меня еще есть время.

Целую ручку у супруги и желаю в Новом году быть здоровой и думать о визите в Одессу для повторения лечения. Будем рады снова видеть вас. Только не приезжайте "инкогнито", как в прошлый раз.

Сейчас я страдаю от своего радикулита. В этом году он обострился больше, чем в прошлом. Среди художников Вы стали популярным товарищем и стали "своим".

Крепко целую Вас, ручку у супруги. Поклон от Екатерины Антоновны. Желаю самого драгоценного — здоровья.

Всегда Ваш Вячесл. Снежков.

Письмо профессора медицины В. Снежкова, связанное с памятью К. Костанди, Одесса, Щепкина, 9, кв. 2, 3 ноября 1953 г.

Дорогие Полина Николаевна и Алексей Маркович!

Кажется, вчера только получил письмо и, как всегда, я запаздываю с ответом. Спасибо большое за труд, затраченный на чтение моей болтовни. Ведь это так написано, не для широкой публики, а для некоторых "вздыхателей" и особенно любивших дорогого Александра Абрамовича Кипена. Я не рассчитывал ее где-либо читать, а думал только о сохранении в памяти действительных фактов из жизни "Общества имени Костанди". Согласен, что сентиментален. Сейчас я встречаюсь с Алешей Смирновым, старичком и быстро уходящим в потусторонний мир. Когда я прочел ему свою болтовню, он вроде как помолодел. Жалко мне его стало. Смирнов большой любитель живописи, но у него в жизни ничего не вышло. Вещей у него нет, но он прекрасно образованный человек, знает три иностранных языка и бегло цитирует западноевропейских художников. Я изредка с ним встречаюсь. Он хорошо помнит тебя. Когда я прочел ему твою вещь "В венок Костанди", он пришел в восторг. Амшей, этот наш художественный

критик, доцент Университета, выразился о твоей вещи так: "Это лучшее, что было сказано и написано ко дню открытия посмертной выставки К.К. Костанди".

Недавно у меня был старший научный сотрудник Картинной галереи Я.А. Гиллер, который тоже с восторгом отзывался о твоей вещи. Он передал мне, что им послан тебе недавно вышедший каталог выставки, в котором помещен портрет Кириака Константиновича на фоне гусей. Напиши мне, если ты не получил каталог, то я имею личный экземпляр и его тот-час же вышлю.

У меня к тебе очень большая просьба, если тебе не трудно, то внеси свои ценные мысли в мой лепет. Я с исключительной благодарностью поцелую тебя в сахарные уста и сохранию это на память.

Недавно я был приглашен на заседание Союза художников в Художественном училище, в котором отчитывался о своем творчестве директор Художественного училища художник Крижевский. Летом он был на Рижском взморье. Написал много больших этюдов, которые по характеру своему носили заказную форму к картинам. Прекрасные вещи, во многом напоминали Ивана Колесникова. Большинство вещей написано в серых, характерных для Риги тонах. Серые тона, но какие это серые тона! Я с исключительным интересом и глубоким чувством душевной радости смотрел на эти этюды. Я люблю Север с его серыми пейзажами и вечно облачным небом. Детство мое — это Средняя полоса России. Конечно, это еще не тот Север, который оставляет в душе художника особое чувство грусти. Крижевский родом из далекого Севера, и он смог в своих этюдах передать действительно прекрасно свои переживания и любовь к нему. Отчетная выставка Крижевского среди художников вызвала большой интерес. Как всегда, была серьезная, благородная критика вещей, но общее впечатление выставка произвела на всех хорошее. Это лучшее, что было до сего времени.

Сейчас я продолжаю болеть. Вот уже более 4х месяцев, как я не могу избавиться от тянущих болей в левой части таза и левом бедре. Иногда ночи провожу в бессоннице. Стрелка барометра меня пугает. Падает давление, и я начинаю себя чувствовать плохо. Поднимается, и на моей душе делается легче. Не могу понять, что это такое. Пью пирамидон, читаю и жалуясь! Вот все, что делаю. Это делают все врачи, у которых черепок переполнен жизненными фактами, историями болезней, сравнениями и т.п. Все это делает нас, врачей, "неверующими" в медицину и не стремящимися обращаться к товарищам. Ты, мол, столько же знаешь, как и я. Что я от тебя получу для исцеления? Природа — лучший врач.

Встречаешься ли с Ковальским Виктором Владиславовичем? Читал о выставке в Москве, очень хвалили в нашей одесской газете.

Как здоровье Полины Николаевны? Думаю, что летом она снова приедет в Одессу на целебные лимоны или ванны. Жена Екатерина Анат. шлет привет. Сегодня ели блины, и я за столом вспомнил тебя. Вспомнил, что пора написать милому другу, хорошему исключительному человеку. Крепко, крепко целую тебя, целую ручку Полине Николаевне и желаю здоровья.

Жду. Любящий В. Снежков.

Письмо доктора И. Циклиса, Одесса, ул. Р. Люксембург, д. 40, 22 августа 1954 г.

Письмо, написанное в шутовском тоне, содержит, видимо, реакцию И. Циклиса на жалобы А. Нюренберга по поводу вспышек антисемитизма и борьбы с "безродными космополитами" в Москве.

Надпись на конверте:

Куда: Москва, Верхняя Масловка, д. 15, кв. 39, Нюренбергу А.М. Откуда: Одесса, ул. Р. Люксембург, д. 40, кв. 5, И.Е. Циклис
22/8/54 г.

Дорогой Амшей!

Получил пар лэнтермедьеер де мон ами (фр. — между тем от моего друга) Ривин твоё энси кэ (фр. — а также) и Юрино послание. Все твои поручения он скрупулезно и даже благоговейно выполнил. В разговоре о тебе он умиляется и просит меня тепло тебя поблагодарить за ласку, тепло и действительную помощь, которую ты ему оказал. Охотно выполняю его просьбу.

Твой вопль души читал и перечитывал моим близким и друзьям несколько раз. Мы тебя понимаем и переживаем то, о чем ты пишешь не менее остро, чем ты. Все горе в том, что, как говорят французы, столь же грешные, как и цитируемые тобою "гуманисты", иль нья рьен а фэр (фр. — ничего не поделаешь).

Я неправ, есть что делать: презирать, ненавидеть, совершенствоваться, занимать первые места и, по мере сил, стремиться к тому, что мы называем а "некомы".

Я вспоминаю такой эпизод: на каком-то международном съезде получилось так, что двое ученых с мировыми именами очутились в одном номере отеля. Один был белый, а другой негр. Последний терпел от первого тяжкие муки и испытания. Пользуясь отсутствием соседа, белый мочился и га-

дил в его постель, в туфли, в чемодан... Негр терпеливо, по-христиански все так терпел, что сосед его даже умиллся и при расставании попросил прощения и извинился за не совсем культурное свое поведение. Он даже готов был искупить свою вину и бескультурье любой ценой. Объяснялось это тем, что этот варвар и вандал в форме джентльмена был верующим христианином. Ответил ему негр следующее: "Я прекрасно знал и понимал, кто меня мучает и пытается унижить, оскорбить. Я ничем не мог открыто себя защитить. Я знал, что вы ведь, как христианин, не ведаете, что творите. Все же я кое-чем реваншировался". — "Чем, например? Я не чувствовал ни в чем вашей реакции на мои, признаюсь, дикие эксцессы" — "Я каждое утро чуть-чуть мочился в ваше кофе..."

Вот так надо мстить, так надо парировать на нанесенную тебе кровную обиду. Я не исключаю и других методов, имеющих право хождения в подходящих случаях. Я предлагаю изменить библейский завет: "Око за око, зуб за зуб" на "За око два ока, за зуб всю челюсть". И еще. Почему бы кому-нибудь из наших современных писателей не заняться анализом и выявлением расизма у многих русских писателей с мировыми именами? Ведь копаются сейчас с рвением, достойным лучшего применения, в художниках, грешащих натурализмом, декадентством, импрессионизмом, имажинизмом и целым рядом других уклонов, менее смертельных, чем антисемитизм?

Я знаю такой случай. Это было еще до войны, когда еще существовала еврейская пресса. Один писатель проштудировал всего Тараса Шевченко — этого великого бунтаря, бывшего крепостного, незаурядного художника, автора "Кобзаря", "Дум сна" и т. д. И выбрал оттуда обильное количество антисемитских перлов. И это было на Украине, и имя этому герою-писателю Квитко Борух. Он жив и поныне. Предложу-ка я ему заняться еще аналогичными литературными изысканиями. Я уверен, что издательство и бумага найдутся.

Мне нравится твоя идея создания общества неисправимых оптимистов под девизом: "Дер ребе от гезогт Эс зол фрейлех зайн" или "Фрейльхе капционим". Но вербовку в эту организацию надо производить с большой осторожностью, с разбором, с дифференциацией: язвенники, страдающие геморроем и трещиной в заднем проходе, катаром желудка и мочевого пузыря, запором и поносом, в действительные члены этой секты не принимаются; холостые нам тоже не требуются. Необходима строжайшая фильтрация.

По этому поводу я вспоминаю следующий рассказ. Как тебе известно,

в Англии существуют всевозможные клубы. Среди них и клуб вонючек, т. е. грязнуль, запущенных, неаккуратных людей. Так вот одному такому чудачку захотелось попасть в такой клуб. Предварительный осмотр оказался в пользу алчущего. Немытое лицо, взлохмаченная голова, нечищенные зубы, вонь изо рта, грязные ногти, грязная, ни разу не стиранный верхняя рубашка, помятый костюм, правда, из добротной английской шерсти, с расстегнутой ширинкой, в грязных, ни разу не выдавших ваксы ботинках и т. д. Общее впечатление оказалось вполне ободряющим. "Подайте заявление". В тот же день заявление было подано, как говорят, в надлежащей форме. Но оказалось, что в не надлежащей. Прошение было написано на чистом листе бумаги. Само собой, что в таком ненадлежащем (чистом) виде прошения в клубе вонючек не принимаются. Мой бедолага не смутился и тотчас же побежал в уборную, оправился, потерся своим заявлением и с победоносным видом передал его директору клуба, но последний повел бровями, покрутил носом и сказал: "Подтирайтесь, сэр?" В приеме бедняге, конечно, было отказано.

Еще до войны в квартире Лисанских был основан клуб "Цымыфасольников" — члены: Мишкиблиты, Недзельские, хозяйева, Крейзмань и я. Заседания нашего клуба происходили при наличии на столе большой величины чугунного горшка, начиненного до верха цымысом из рябой фасоли, в которой тонули крупные, жирные марых бейнер. Ко всему этому полагалось — рюмка водки, сто грамм сухого вина (Рислинг, Алигате). Разве подобное оформление не подойдет к клубу "Фрейльхе капционим"? Виньетку сделай ты по твоему разумению и вкусу на тему "Оцмах ыз а клезмер".

На этом кончаю свою эпистолию. При сем мое маленькое послание Юре¹ — в ответ на его милое и лестное письмецо. (Пишу его отдельно.)

Нежный привет всему твоему гнезду. Дамам и девушкам горячий поцелуй (на что ты, надеюсь, еще апт?)

Моя семья и семья брата приветствуют восторженно.

Твой до гроба, Илья.

Письмо доктора И.Е. Циклиса от 15 января 1963 г.

По всей видимости, И. Циклис отвечал на вопрос А. Нюренберга, как идет подготовка к организации его персональной выставки в Одессе. Выставка А. Нюренберга была запланирована на апрель 1963 года.

¹ Юра — здесь и далее И. Циклис упоминает зятя А. Нюренберга, писателя Ю. Трифонова (1925-1981).

15/1/1963 г.

Шер ами!

Же вьен де ресевуар та летр, ком тужур сан дат. Пасон ла десю. Э бьен, же ме сви адресе имедиатеман пар телефон а президент Тодоров е апре сон консультасион авек сон коллаборатэр он ма перми те пер савуар кэ тон экспозисион ора лье ан аврил.

Пер. с фр.: Дорогой друг! Я только что получил твое письмо, как всегда без даты. Перейдем к следующему. Ну, я немедленно обратился по телефону к председателю Тодорову. После консультации со своим помощником он позволил мне тебе сообщить, что твоя выставка состоится в апреле.

Итак, все, как видишь, у нас делается по щучьему велению. Будь любезен, сейчас же напиши Тодорову, что ты ему очень благодарен за его любезность.

Я обещаю тебе еще натереть морду всем, всем тем, которые тебе не пишут в темпе presto (муз. термин, пер. с ит. — очень быстро). Ты, между прочим, пишешь, что они немые, как рыбы. Учти же, что рыба сейчас прозябает подо льдом. Компрант? (фр. — понятно?) Обещаюсь заняться этим делом. Постараюсь всех нагальванизировать током высокого напряжения. Многие оправдываются тем, что они постоянно и аккуратно шлют тебе поклоны и приветы через...

Из-за лютых морозов, а порой даже метелей с гололедицей, вызывающих снегопад, я целыми днями не выхожу из дому. Со времени моего приезда я был у моих французов только один раз. Так что твое письмо к ним я еще не успел передать.

Я тебе писал, что через неделю Эддочка¹ выезжает на каникулы в Москву. Жить она будет у моего племянника. Я прошу тебя познакомить ее с Юрой и с его друзьями — писателями и поэтами. Ей будет о чем докладывать у себя в Институте после приезда. А тебя я прошу познакомить ее с французами художниками. Повтори сеанс, посвященной ее деду в его приезд в Москву.

*Кончаю приветом дорогой Полине, Нелли, Олечке² и Юре. Не сердчай!
Твой Илья.*

¹ Эддочка — упоминается здесь и далее внучка И. Циклиса.

² Олечка — упоминается здесь и далее автор статьи О. Тангян, внучка А. Нюренберга.

Письмо Одесского художественного музея, 25 декабря 1970 г.

Сотрудница музея Л. Ковальская сообщает Нюренбергу о решении закупочной комиссии музея о приобретении его работ. В письме упоминается скульптор М. Гельман, который участвовал на организованной Нюренбергом в 1919 г. в Одессе 1-й народной выставке.

Уважаемый Амшей Маркович!

Из письма, которое было отправлено недели три назад, Вам, очевидно, стало известно, что в нашем музее теперь уже новый директор — Владимир Федосеевич Яценко.

Работы, подаренные Вами, были встречены с большим интересом. Они уже внесены в музейные инвентари. Закупочная комиссия их рассматривала. О результате Вам сообщат.

Макс Исаевич Гельман очень интересовался моей встречей с Вами. Интересовался Вашими работами, Вашим здоровьем. Очень подробно расспрашивал, над чем Вы работаете сейчас, как выглядите. Он рассказывал мне о Вашей работе в Одессе, о том, что у него хранится журнал 1913 года с Вашей статьей. Макс Исаевич просил передать Вам и Полине Николаевне большой привет от себя и своей супруги.

Я же, пользуясь случаем, поздравляю Вас и Полину Николаевну с наступающим Новым годом и желаю Вам в Новом году всего самого доброго.

С искренним уважением,

Людмила Ковальская.

Письмо вдовы Бабеля А.Н. Пирожковой, Москва, 17 декабря 1971 г.

Вдова И. Бабеля сообщала Нюренбергу об издании в ближайшее время книги воспоминаний о Бабеле, куда должна была войти также и статья Нюренберга.

Куда: Москва, ул. Георгиу-Деж, 6, кв. 187, Нюренбергу Амшею Марковичу
От кого: Москва М-452, Азовская, 15, корп. 1, кв. 25, А.Н. Пирожкова
17 декабря 1971 г.

Дорогой Амшей Маркович,

Книга воспоминаний о Бабеле, наконец, пошла в производство, и я посылаю Вам верстку. Прошу просмотреть и прислать мне обратно с Вашей подписью.

Я давно не общалась с Вами и не писала Вам не потому, что забыла о Вас, просто сама была или очень занята, или очень подавлена.

Желаю Вам здоровья и благополучия,

Антонина Николаевна.